

Оглавление

Предисловие автора	5
Часть I. ЗЕРКАЛО ВРЕМЕНИ	9
Глава 1. Заманчивое предложение	11
Глава 2. Неожиданный результат	25
Глава 3. Сирота	45
Глава 4. Сюрприз	61
Глава 5. Первый контакт	77
Глава 6. «Наша служба и опасна, и трудна...»	97
Глава 7. Серьезный разговор	110
Глава 8. Тайн больше нет?	123
Часть II. АНТИПОД	131
Глава 9. Реванш	133
Глава 10. Волк в овечьей шкуре	146
Глава 11. На шаг впереди	157
Глава 12. Его смерть на моей совести	167
Глава 13. Верное решение	176
Глава 14. Я иду искать	188
Часть III. ЕСТЬ ЦЕЛЬ — НЕТ ПРЕГРАД	197
Глава 15. Попытка номер два	199
Глава 16. Долгожданная встреча	214
Глава 17. Гроза	230
Глава 18. Чехарда	242
Глава 19. Не рой яму другому	249
Глава 20. Бог троицу любит	262
Часть IV. КОЛЕСО САНСАРЫ	271
Глава 21. Новая жизнь	273
Глава 22. Двойник	291
Глава 23. От меня не уйдешь	302
Глава 24. Один против всех	313
Глава 25. Корень проблемы	325
Глава 26. Последний шанс	339
Эпилог	348

Предисловие автора

Когда в сентябре 2023 года я поставил последнюю точку в рукописи «Плана игры», мне казалось, что история Хранителей закончена. Я действительно так думал, начиная работу над «Четвертым уравнением». Первоначально эта книга задумывалась как самостоятельное произведение, ничем не связанное с событиями первых двух циклов. Но чем дольше я работал над рукописью, тем сильнее росло ощущение, что я совершаю большую ошибку и делаю что-то не так.

Дошло до того, что работа над «Четвертым уравнением» окончательно застопорилась. Я оказался на перепутье: бросать почти на четверть написанный текст и браться за что-то новое или переосмыслить концепцию книги и внести правки, пока не поздно.

Два с лишним месяца я ломал голову, как выпутаться из ситуации, пока на помощь не пришли Хранители. Я увидел их во сне, как Менделеев периодическую систему, и Скиталец, на правах самого старого и опытного из них, сказал все, что обо мне думает:

— С чего ты взял, что можешь распоряжаться нами, как тебе вздумается? Ты у нас спросил: хотим мы на покой или нет? Кто вообще дал тебе право бросать историю на самом интересном месте? Посмотри в книгу, лопух!

Я проснулся с твердым ощущением того, что действительно говорил со Скитальцем, а остальные Хранители смотрели на меня с укором в глазах. Взял с полки «План игры», прочитал концовку и понял: Скиталец прав. Основной конфликт, нерв новой книги, заложен в финале третьей истории цикла «Хранители».

В тот день у меня открылось второе дыхание. Я скорописью накидал новый план, сделал наброски второстепенных коллизий и схематически определил развитие основных сюжетных линий. После этого работа над «Четвертым уравнением» сдвинулась с мертвой точки, и я рад представить на читательский суд новую книгу из цикла «Хранители».

«Никогда не возвращайся в прошлое. Оно убивает твое настоящее».

Неизвестный мыслитель

«Желание избежать ошибки вовлекает в другую».

Гораций

«Жизнь — это непрерывная борьба за то, чтобы оказаться преступником, а не жертвой».

Бертран Рассел

ЧАСТЬ I
ЗЕРКАЛО ВРЕМЕНИ

Глава 1

Заманчивое предложение

Почти месяц пролетел с тех пор, как в одной из лабораторий профессора Шарова разыгралась смертельная драма¹. И хотя формально Олег Иванович был вроде как ни при чем, Болотный Лекарь не мог простить ему гибели Балабола. Несмотря на давнюю, проверенную трудными испытаниями дружбу, он прервал с профессором всяческие контакты. Даже тот факт, что Шаров стал теперь одним из Хранителей, не смягчил его сердце. Профессор перестал для него существовать. Он вычеркнул его из своей жизни и ни от кого не хотел ничего о нем слышать.

Олег Иванович узнал о решении друга от Крапленого. Первые две недели тот по собственному почину выступал в роли миротворца и даже предпринял несколько безуспешных попыток урегулировать проблему, но, видимо, устал метаться меж двух огней и сбросил добровольно взваленную на себя ношу. Нехай сами во всем разбираются, решил он и отправился вглубь Зоны. Крапленый был единственным из всех Хранителей, кто предпочитал следить за порядком на отравленных радиацией землях не со стороны, а находясь в самой гуще событий. Он не только искал приключения на определенную точку своего организма, но и нередко сам становился их источником.

Только Скиталец по-прежнему ровно относился к Олегу Ивановичу и нет-нет да и заглядывал к нему в научный лагерь. Он был чем-то вроде связующего звена между соблюдающими холодный нейтралитет сторонами и не терял надежды, что когда-нибудь в стане Хранителей Зоны наступит долгожданное примирение.

К слову, Скиталец не испытывал напрасных иллюзий. Он не просто верил в перспективу возобновления отношений меж-

¹ См. роман «Хранители. План Игры» литературной серии Stalker.

ду старыми друзьями, а прилагал для этого определенные усилия. Правда, делал это незаметно и ненавязчиво, стараясь не вызывать подозрений ни у Лекаря, ни у профессора Шарова. Он не хотел, чтобы результатом его действий стал еще больший раскол. Скиталец прекрасно понимал, чем чревата непримиримая вражда между теми, кто, по желанию Зоны, должен следить за всем, что происходит на ее территории, и купировать угрозы самому ее существованию.

Усилия эти заключались в беседах по душам с рассорившимися в пух и прах Хранителями. Скиталец использовал любой удобный момент для подобных разговоров, но, если замечал хоть толику недовольства на лице Лекаря, быстро соскальзывал с темы. Старик не пытался форсировать события. Он исходил из принципа: вода камень точит, — и предпочитал действовать по тому же алгоритму.

Олег Иванович жаждал примирения так же сильно, как и слепой старец. Профессор всегда охотно поддерживал разговор, но всякий раз сводил его к жалобам на Лекаря и Крапленого. Причем, по непонятной причине, список претензий к этим двум Хранителям раз от разу рос как снежный ком.

Скиталец проявлял чудеса терпения и такта. Он молча слушал профессорское нытье, иногда кивал, бывало, сочувственно вздыхал или отделялся ничего не значащими фразами вроде: «угу», «отож», «ну да». Но однажды старик не вытерпел:

— Ну а чего ты хотел? Балабол с Крапленным не один пуд соли съел, на пару с ним работая проводником в парке развлечений. А до того он стал для Лекаря спасительной соломинкой, когда наш болотный доктор маялся от безделья и смертной скуки. Сам ведь знаешь, как тут во времена «Чернобыль Лэнда» было.

Олегу Ивановичу показалось, что Скиталец прячет усмешку в седых усах и длинной бороде. Он взгляделся в иссеченное морщинами лицо старика, но то оставалось неподвижным, словно профессор любовался искусно вырезанной из мрамора скульптурой, а не смотрел на живого человека.

Мутные бельма старца невидяще уставились в переносицу Олега Ивановича. Профессора как будто обожгло огнем. Он вздрогнул, ссутулился и подтянул плечи к ушам.

— Долго зыркать так будешь? — строго сказал Скиталец. — Я не картина в музее. Неча на меня как на диковину заморскую пялиться. Ты бы лучше делом занялся, а не ныл тут без повода и глазами своими дырку во мне сверлил.

— Так уж и без повода, — чуть слышно пробурчал профессор, отвел глаза в сторону и потянулся к чашке. Традиционно его беседы с первым Хранителем Зоны сопровождались чаепитием. Чая оставалось совсем на доньшке. Олег Иванович хотел было подлить себе из пузатого чайника, но решил пока с этим повременить.

— Чего ты бормочешь? — поморщился Скиталец. Grimаса недовольства затерялась в густой растительности стариковского лица, так что профессор ничего не заметил. — Ты же Хранитель. Не пристало тебе мямлить, как нашкодившему подростку.

— Я говорю, рад бы хоть каким-нибудь делом заняться, да из рук все валится, — внятно сказал Шаров.

Скиталец назидательно поднял артритный палец к потолку:

— Вот! А знаешь, почему валится? Грызть тебя мучает, совесть покою не дает.

— Да не виноват я! — вскричал Олег Иванович, ударя себя кулаком в грудь. Он не на шутку разволновался. Лицо пошло розовыми пятнами. Воздух с шумом вырывался из раздутых ноздрей. — Не виноват, — тихо повторил он и печально вздохнул: — Само так получилось... я не хотел.

— Знаю. Как знаю и то, что тебе под силу все исправить. А ты, вместо работы по устранению ошибки прошлого, который месяц жалеешь себя и сопли на кулак мотаешь.

Лицо профессора вытянулось. Он удивленно уставился на гостя:

— Но что я могу? Прошлое не воротишь. Все, что должно было случиться, уже произошло. Назад пути нет. Жизнь — дорóга в одном направлении с одним концом для всех.

— Разве? А кто предлагал Богомолу вернуться в прошлое и все изменить? Не ты ли?

— Я, — кивнул Олег Иванович, — но это была уловка. Мне надо было убедить его войти в трансмиттер. Он должен был отправиться в один из хронопластов и там навсегда исчезнуть.

— Ну хорошо, а кто тебе, профессору, пожалуй, умнейшему человеку во всей Зоне, мешает перенастроить установку так, чтобы она действительно стала машиной времени? Ты ее создал, и ты, как никто другой, знаешь, на что она способна.

— Вот именно, знаю. Боюсь, это невозможно.

Скиталец вперил взгляд бельмастых глаз в профессора, и тот снова почувствовал себя так, будто его насквозь просвечивают рентгеновскими лучами.

— Нельзя позволять страху определять твое будущее, ибо страх — самая разрушительная сила. Он способен загубить любое начинание на корню. Если есть хоть малейшая вероятность успеха, надо не бояться, а делать. Только так можно изменить жизнь к лучшему. Ответь мне честно, как на духу: ты задумывался хоть когда-нибудь над возможностью повернуть время вспять?

Профессор ответил не сразу. Он сцепил ладони в замок и, постукивая большими пальцами рук друг о друга, какое-то время сосредоточенно покусывал нижнюю губу.

— Первые эксперименты над искривлением потока пространства-времени начались незадолго до возникновения Зоны, — наконец заговорил он. — Я тогда работал младшим научным сотрудником в исследовательской группе и принимал активное участие в работах по созданию темпоральной установки. Возможность непосредственно воздействовать на время обнаружилась совершенно случайно. Наша группа исследовала способность человеческого мозга к приему и передаче информации на расстоянии. Мы разработали специальную, облицованную изнутри зеркалами камеру. Внешне похожая на яйцо, она, предположительно, должна была усиливать способность экспериментатора к восприятию мысленных сигналов второго участника эксперимента. Оказалось, что экспериментатор из нашей группы получал информацию раньше, чем ее передавали из Москвы.

— Полагаю, вашему изумлению, а потом и радости, не было границ.

Шаров кивнул и продолжил рассказ о делах давно минувших дней. Старый Хранитель слушал внимательно, не перебивал и не подгонял, когда профессор надолго замолкал, как будто с головой погружаясь в пучину воспоминаний.

— В день решающего эксперимента установка взорвалась. Это привело к пробою ноосферы и, как следствие, возникновению Зоны. Если честно, я до сих пор не могу понять, почему так произошло, — вздохнул Олег Иванович и наконец-то наполнил свою чашку из чайника. — Тебе обновить?

Скиталец помотал головой. Профессор вернул чайник на место, промочил пересохшее горло теплым чаем и снова заговорил:

— Все расчеты указывали на безопасное течение эксперимента, да и предварительные запуски проходили в штатном режиме без каких-либо намеков на аварийную ситуацию. Но что есть, то есть. Если исходить из теории событийно-временного взаимодействия, возможно, сама Зона приложила к этому руку. С тех пор, как она меня сделала Хранителем и допустила до своих тайн, я уже ничему не удивляюсь.

— А что стало с вашей группой после катастрофы?

— Расформировали. Меня направили в наспех созданный киевский институт изучения Зоны по программе обмена учеными между Россией и Украиной. Пару месяцев я перебирал бумажки в кабинетах, а потом попросил перевести меня в полевой филиал. Уж очень мне хотелось разобраться с причиной той злополучной аварии.

— А этот твой транс... вечно забываю, как его там...

— Трансмиттер, — подсказал Олег Иванович.

— Во-во, трансмиттер, — кивнул Скиталец. — В его конструкции есть хоть что-нибудь от той установки?

— Теоретически — нет, поскольку у меня на руках не было проектной документации, а практически — он идентичен с ней более чем наполовину. Изначально это вообще была полная копия темпоральной установки. Нынешние расхождения с оригиналом стали результатом моей многолетней работы по улучшению первоначальной конструкции.

Косматые брови Скитальца удивленно изогнулись.

— Ты его по памяти собирал, что ли? — спросил он и пригладил длинную бороду.

— Нет, конечно, — усмехнулся Олег Иванович. — По молодости я нередко брал работу на дом, ну и среди прочих бумаг однажды случайно прихватил ксерокопию чертежей. Когда это обна-

ружил, хотел вернуть, но потом передумал. Раз никто не заметил, значит, не особо они и нужны, а мне хотелось детально разобраться в принципе работы потенциальной машины времени.

— Вот! — радостно прихлопнул ладонью по столу Скиталец. — Заметь, никто тебя за язык не тянул, ты сам это сказал. Выходит, ты подспудно веришь, что этот твой аппарат может управлять временем, но почему-то не хочешь настроить его на такой режим работы.

Профессор съежился под нацеленным на него взглядом бельмастых глаз. Внезапно его голова наполнилась тупой ноющей болью, в висках закололо, а в основание черепа как будто воткнулся острый кончик огромного гвоздя.

— Теперь понятно, чего ты боишься. Тебя пугает повторение неудачного эксперимента, — сказал Скиталец, и голова профессора перестала трещать по швам. — С чего ты взял, что причина той аварии кроется в установке? Может быть, напортачил кто-то из персонала вашей группы, когда проводил настройки оборудования перед опытом.

— Это маловероятно, — глухо ответил Олег Иванович. — Я был в числе тех, кто готовил темпоральную установку к эксперименту, и проверил введенные в ее память данные. Ошибки не было, я за это ручаюсь.

— Ну ладно, пусть будет во всем виновата неудачная конструкция. Но ведь ты сам сказал: трансмиттер лучше первоначальной установки. Значит, он лишен ее критических недостатков. Так?

— М-мм... скорее да, чем нет, — неуверенно протянул профессор.

— Тогда тем более не понимаю, чего ты медлишь. У тебя есть потенциальная возможность переиграть прошлое, спасти Балаболу жизнь, вернуть прежние отношения с Лекарем и Крапленным, а ты не хочешь ею воспользоваться. Твой страх неудачи ничем не обоснован. Скажи, что произошло в результате прошлой аварии?

— Зона появилась.

— Вот именно. Ты представляешь, какие перспективы сулит твое открытие, если ты наберешься смелости довести дело до конца? Из массы разных вариантов всегда можно выбрать наилуч-

ший. Ты не задумывался, почему Зона сделала тебя своим Хранителем? За какие такие заслуги перед ней? Может, ты стал им потому, что способен дать ей нечто особенное? Нечто такое, чего она никогда не получит от нас.

Скиталец помолчал, как будто давая возможность профессору осмыслить его слова, и продолжил:

— Насколько мне известно, ты давно знаешь Лекаря. — Профессор в ответ кивнул. — И ты вот так просто позволишь исчезнуть многолетней дружбе?

— Он мог бы и понять, что я не виноват в смерти Балабола, — глухо пробурчал Олег Иванович.

— А ты мог бы взять все и исправить. Вы оба уперлись как бараны и не хотите ничего менять. — Скиталец хлопнул себя по обтянутым серой хламидой коленям: — Ладно, засиделся я у тебя, пора и честь знать.

Он встал с кресла, взял приставленную к стене корягу и, опираясь на нее, как на посох, поковылял к выходу из профессорского кабинета.

— Может, не стоит играть со временем? Кто его знает, как оно отреагирует на постороннее вмешательство. Что, если Балабола клонировать? — бросил старцу в спину Олег Иванович. — «Чернобыль Лэнд» канул в лету, но технологии-то куда не делись. Конечно, необходимые для процесса клонирования лаборатории законсервированы, однако мне и моим сотрудникам не составит труда запустить одну из них в ближайшие сутки-двое. Образец ДНК Балабола у меня есть. Могу хоть сейчас приступить к работе.

Скиталец остановился. Постукивая деревяшкой и скрипя подошвами старых, стоптанных башмаков, медленно повернулся к профессору.

— Нам и без твоих опытов с клонированием проблем хватает, — сказал он, хмуря кустистые брови. — Ты можешь гарантировать, что созданный тобой клон будет стопроцентной копией Балабола?

— Разумеется! На то он и клон. Внешне его не отличить от оригинала.